

Образ художника-фальсификатора в мировой прозе

Афер Ализаде

Доктор философии по филологии, доцент
Азербайджанская академия художеств
alizadeafer@rambler.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-3862-4037>

Аннотация. В настоящей статье привлекаются к исследованию прозаические произведения о художниках-фальсификаторах. Тип художника-фальсификатора в мировой прозе своеобразно представлен Агатой Кристи, Луиджи Гуарньери, Диной Рубиной, Джесси Бертон и Натальей Александровой. Мастера слова, вглядываясь в мировидение и характер художника-копировальщика, пытаются выявить его мотивы. В центре внимания авторов противопоставление истинного художника и фальсификатора, влияние созданных им копии на личность и творчество самого художника, проблема коммерциализации культуры, превращение предметов искусства в продаваемый и покупаемый товар. Наряду с подлинными художниками стоят предприимчивые, но циничные и алчные лжехудожники, ловко и удачно извлекающие выгоду и прибыль из произведений искусства.

Настоящий художник творит – он безоговорочно предан искусству. Живопись его духовное призвание, вдохновение, жизненный ориентир. Художник-фальсификатор берет за основу не самобытность и оригинальность художественного почерка. Он превращает искусство в объект коммерческой деятельности. Он бесцеремонно, без зазрения совести присваивает себе то, что создано не им, а другим. Карьеризм, цинизм, неудовлетворенные художнические амбиции мешают ему служить изобразительному искусству. Всецело отдавшись соблазну, художник-фальсификатор утрачивает чувство требовательности к себе, творческое неистовство и поиски идеала.

Ключевые слова: художник-фальсификатор, живопись, творческое неистовство, подлинник.

История статьи: получено – 11.07.2025; принято – 26.09.2025

Image of the artist-falsificator in world prose

Afer Alizadeh

Abstract: This article engages the research of prose works about art forgers. The type of the art forger in the world prose is peculiarly represented by Agatha Christie, Luigi Guarnieri, Dina Rubina, Jessie Burton and Natalia Alexandrova. Masters of the word try to reveal the motives of the copy artist by looking into the worldview and character of him. The authors focus on the opposition between the true artist and the forger, the influence of the copies created by him on the personality and creativity of the artist himself, the problem of commercialisation of culture, the transformation of pieces of art into saleable and purchasable goods. Alongside genuine artists there are also the enterprising but cynical and greedy pseudo-artists who cleverly and successfully capitalise and profit from the pieces of art.

The true artist creates – he is unconditionally devoted to art. Painting is his spiritual calling, inspiration, a reference point of life. The art-forger takes as a basis not the originality of the artistic handwriting. He turns the art into the object of the commercial activity. He unceremoniously and without remorse, appropriates for himself what was not created by him, but by others. Careerism, cynicism, and unsatisfied artistic ambitions

prevent him from serving the visual arts. Completely given up to the temptation, the artist-forgery loses the sense of self-demanding behaviour, creative frenzy and the search for the ideal.

Key words: artist-forgery, painting, creative atrocity, original.

Article history: received – 11.07.2025; accepted – 26.09.2025

Введение / Introduction

Художник и фальсификатор, созидатель и присваивающий – два незаурядных человека. Настоящий художник творит и созидает, такова его природа. Не менее талантливый фальсификатор стремится к присваиванию и потреблению всего того, что предлагает миру творец и созидатель. Почему? Не потому ли, что в основе человеческих отношений лежит взаимовыгода? Однако художник-фальсификатор обладает еще и удивительным свойством – способностью оценивать созданное другим.

Что происходит с человеком в условиях духовного вакуума? Человек, задумавший переустроить мир, пытается присвоить себе функции Бога. Он не ведает душевных тревог и не понимает глубины своего греха – покаяния не происходит. У настоящего художника есть сильный внутренний стержень – любовь к людям и к своему духовному призванию – живописи. Это искренность и неподдельность, глубина и недосказанность. Истинный художник – талант, и через его восприятие жизни рождаются по-новому звучащие произведения. Возможность выразить себя через кисть – только ветвь деятельности большого художника. Тонкая душа художника стремится поделиться с другими той красотой, которую видит и чувствует. Его творения – выражение мечты о бессмертии. Это вовлечение сердца и разума утонченного зрителя. Взаимосвязь художника с его произведением и благодарным

вдумчивым зрителем есть полный потаенных смыслов взаимообогащающий диалог.

У художника-фальсификатора подобной любви к людям и метафизического понимания искусства нет. Они уступают азартному цинизму, который можно трактовать как противоядие тотальному лицемерию. Человек ведет себя по жизни сообразно с теми законами, что установлено Богом свыше. Общество очень яростно подпитывает эту иллюзию. Реальная жизнь полна агрессии и насилия. Святости не осталось в людях. Отсутствует уважение к человеческой личности. Традиционный брак себя не оправдывает. Нет любви, основанной на единстве идеалов и духовном родстве. Материнство перестало определять человеческую ценность женщины. Жизнь искушает соблазнами. Нет ценителей искусства, «голодных» на содержательные работы. Есть обесценивание творческой перспективы и безнадежное ожидание соответствия чужим ожиданиям. Поэтому нет места художнику, умеющему с помощью глубокого подтекста попадать в болевую точку и создавать полотна, требующие погружения. Утрачивая чувство требовательности к себе, постепенно забывая про поиск более совершенных творческих решений, он освобождает себя от «лишнего» – лишней суеты, лишних духовных приобретений. Бытование художника в социальной реальности вытесняет в нем творческое неистовство, отрешенность, полное изнеможение и мучительные поиски абсолюта.

Основная часть / Main Part

Английская писательница Агата Кристи в романе «Третья девушка» выводит образ художника-карьериста. Молодым, подаю-

щим надежды, портретистом Дэвидом Бейкером движут неудовлетворенные художнические амбиции. «Выглядел он живописно,

по-женственному красивым, и требовалось несколько секунд, чтобы распознать в нем мужчину»», - так, дается описание Бейкера, прозванного Павлином, за чрезмерный декоративный внешний вид, тщеславие и важность [2]. Человек с сомнительным прошлым, живущий либо мелким мошенничеством, либо за счет своих обеспеченных подруг, подозревается в причастности к крупной краже произведений искусств. Взяв за основу не мастерство и творческое видение, а талант блистательного копировальщика, наглый Бейкер достаточно способен в своей сфере. Умело подделывая полотна второсортных старинных портретистов, беспринципный художник не гнушается прибегать даже к шантажу.

Тема аферы гениального фальсификатора находит свое воплощение в романе итальянского писателя Луиджи Гуарньери «Двойная жизнь Вермеера». Несостоявшийся художник из Нидерландов – Хан ван Меегерен выдает свои работы за творения именитых живописцев XVII века – Рембрандта, Питера де Хооха, Яна Вермеера. Работы Меегерена трудно отличить от оригинала. В подделывании полотен великих мастеров он достигает такого совершенства, что даже лучшие эксперты не в состоянии отличить фальшивые копии от подлинников. Этими оригинальными заимствованиями одержимый манией величия художник мстит авторитетным искусствоведам и знатокам, не пожелавшим в свое время признать в нем талант живописца.

Выполненные им подделки покупают известные музеи и галереи. Без его ведома картину «Христос и блудница» приобретает для своей частной коллекции рейхсмаршал Герман Геринг. Эксцентричный Меегерен прекрасно осознает, насколько опасно поддерживать коммерческие отношения с нацистскими оккупантами. Через агентов он прослеживает историю и дальнейшую судьбу каждого полотна, чтобы оно не попадало в руки противников. Обвиняемый в государственной измене за сотрудничество с немцами Меегерен, признавая за собой копирование шедевра великого голландца,

называет себя «современным воплощением Вермеера» [1].

Меегерена потрясает благосклонность откровенно благоговевших перед ним критиков, дельцов и заказчиков. Вызывает чувство досады тот факт, что в руках некомпетентных людей, ничего не понимающих в искусстве, сосредоточена неограниченная власть определять художественную ценность того или иного произведения. Судьба художника зависит от мнения неуязвимых и надменных лицемеров (Бредиус), а ценность произведения искусства определяется не столько присущими ему художественными качествами, сколько поставленной галереями сверху «меткой».

Серия романов Дины Рубиной об искусстве («Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы», «Синдром Петрушки») подспудно привлекает темой двоящейся реальности. Все произведения четко выдержаны в едином композиционном ключе. Герой романа русской писательницы «Белая голубка Кордовы» – Захар Кордовин, виртуозно владея техникой старых мастеров, может совершенно безнаказанно творить копии. Талантливый художник, искусствовед и эксперт, непризнанный у себя на родине, вынужден перебраться в Израиль. Все больше овладевает им авантюризм – имитирование чужого стиля. Парадоксальность героя сводится к подавлению заложенного в себе творческого дара к мастерски подделыванию картин под знаменитых художников. «*Эти несколько минут Захар отрешенно смотрел на рисунки, так просто, так свободно лежащие на столе. Это были гениальные рисунки, и ... он мог бы их воспроизвести. Наверняка знал: мог бы. Воспроизвел бы в непогрешимой точности легкие, одновременно сильные линии — то золотое сечение искусства, от которого перехватывает дыхание где-то в области диафрагмы. Золотое сечение искусства? Но тогда – что есть индивидуальность художника? В чем она заключается? И где та грань, за которой ее можно разглядеть?*», - задается вопросом Рубина [3].

М. Эпштейн в работе «Бессилие добра и другие парадоксы этики» выделяет два кон-

цепта – противоположные человеческие типы – совестливый циник и бессовестный идеалист. Совесть циника он характеризует как человека, способного к бесчестным поступкам, а в бессовестном идеалисте видит свято верующую в высшие принципы личность. *«Ему не до частных, не до личностей, главное – верность Учению, Закону, Абсолюту. Он ходит по жизни как по туго натянутому канату. Идеал настолько его держит на высоте, что отчасти или даже вполне заменяет ему совесть»* [4].

Дар живописать – это своего рода сотворение мира. Это выражение жизненного опыта у каждого живописца в зависимости от внутренней наполненности и внешних обстоятельств реализуется по-разному. Талант копииста не вытесняет в Кордовине талант художника. Кордовин неслучайный человек в искусстве: он личность, одаренная исключительными способностями, редкой гибкостью ума и врожденным художественным чутьем. Мастерство владения цветом, выработка собственного стиля помогают ему на ментальном и духовном уровнях проникнуть вглубь совершенно незнакомой ему культуры, по-своему осмыслить феномен неординарной личности других художников. Каждый художник уязвим – ведь даже мастерски копируя других, он показывает свое искусство, которое пропускает через себя. Это и есть определяющий вектор его творчества – писать на всех уровнях чувств. Кордовин, эксцентричный художник и тонкий наблюдатель, одержимый деталями, не пишет под своим настоящим именем, а оставляет в углу каждой картины белую голубку – скрытое рабочее клеймо на подделываемых им полотнах. Белая голубка в трактовке Кордовина – победа света над мраком, победа над невежественными богачами, обуреваемыми нелепыми прихотями, для которых искусство не духовная потребность, а выгодное помещение капитала. Он, разгадавший непостижимую глупость и отсутствие чувства меры влиятельной денежной публики, остается свободным в своих порывах и действиях.

Копирование картин – это проявление исключительного самомнения? На этот во-

прос по-своему пытается ответить Наталья Александрова в романе «Тайна «Ночного дозора»». Писательница выводит образ Дмитрия Старыгина, опытного реставратора, пытающегося разгадать магию картины Рембрандта. Окинув острым взглядом прославленное полотно, выставленное в Николаевском зале Эрмитажа, профессионал распознает искусно подделанную копию, определив под ней картину с мифологическим сюжетом – «Прощание Гектора и Андромахи», принадлежавшую современнику Рембрандта – Херману ван Свеневельту. Старыгин принимает участие в разрешении скандала мирового масштаба – он едет в Прагу в поисках шедевра великого голландца, проводит расследование, чтобы узнать причину самоубийства преступницы, обладавшей оккультным знанием, выясняет мотивы жестокого, очень хорошо продуманного и на редкость хладнокровно исполненного убийства двойников людей с картины «Ночной дозор».

Тернистый путь художника к признанию, проблемы творчества, трудности самовыражения, присвоение чужой славы отличают роман Джесси Бертон «Муза». Противоречивая природа человека искусства, алогичность его поведения здесь представлена английской писательницей в образе Исаака Роблеса. Безвестный и бесперспективный художник из Андалусии преподает без особого успеха литографию в художественной школе Малаги. Он художник средних способностей, мечтающий о репутации многообещающего мастера кисти, его работы носят ученический характер. Его сестра, работающая служанкой у известного венского галериста, арт-дилера Гарольда Шлосса, путем обмана «приобретает права» на чужой талант. Так, Тереса Роблес бессовестно выдает высокохудожественные полотна талантливой Олив Шлосс за работы своего брата. Олив Шлосс, в свою очередь, также проявляет бездумность, используя посредственного художника как прикрытие для собственного творчества.

Бертон иронично рисует портрет Роблеса, человека надменного, пустого и убогого духом. Болезненно жаждая славы, он согла-

шается на авантюру с картинами и тем самым утрачивает в себе все человеческое. В нем нет чувства собственного достоинства, цельности характера, способности уважать чужой успех.

Эгоистичный Роблес перекликается с героем-художником Дины Рубиной, но в жестокости и циничности он явно превосходит Захара Кордовина. Он грубо и нагло управляет своими мнимыми способностями. Им движет личное самолюбие. Рубина в романе «Белая голубка Кордовы» предлагает читателю драматическую фигуру художника-фальсификатора. Ее герой обладает большим талантом, но, соприкасаясь с темным миром махинаторов, принципиальный художник терпит крах. Семейные тайны и

интриги, эмоциональная холодность и социальное зло потрясают его до глубины души. Любовь Пилар возвращает его к жизни и творчеству, но потеря чувства свободы, острое осознание духовного одиночества, бессмысленность сопротивления и протеста берут верх. Он решительно восстает против бездушного мира, но поняв бесперспективность своего бунта, художник Рубиной устает и ощущает в себе готовность принять смерть без промедления. Несмотря на физиологическую смерть, Кордовин все же выходит моральным победителем. Он ценой потерь и страданий утверждает свое достоинство, но нравственно уродливый Роблес терпит полное поражение.

Результат / Conclusion

Художник-творец и художник-фальсификатор находятся на разных полюсах философского восприятия жизни, личности человека, любви, Всевышнего. К настоящему художнику судьба предъявляет высокие требования – он творит в соответствии с

профессиональной принадлежности искусству. У художника-фальсификатора нет самоотверженной любви к высокому, устремленности к идеалу, что и мешает ему бескорыстно служить искусству.

Литература / References

1. Гуарньери, Л. Двойная жизнь Вермеера: роман / Перевод с итальянского / Л. Гуарньери. – Москва: КоЛибри, – 2008. – 288 с. [Электронный ресурс]: https://loveread.ec/read_book.php?id=67919&p=2
2. Кристи, А. Третья девушка: роман / Перевод с английского / А. Кристи. – Москва: Международный книжный дом, –2018. – 416 с. [Электронный ресурс]: https://1.librebook.me/third_girl/vol4/1
3. Рубина, Д. Белая голубка Кордовы: роман / Д. Рубина. – Москва: Эксмо, – 2009. – 544 с. [Электронный ресурс]: http://loveread.ec/read_book.php?id=2014&p=86
4. Эпштейн, М. Бессилие добра и другие парадоксы этики // – Санкт-Петербург: Звезда, – 2017. №11: [Электронный ресурс] <https://magazines.gorky.media/zvezda/2017/11/bessilie-dobra-i-drugie-paradoksy-etiki.html>

Dünya nəsrində saxtakar rəssam obrazı

Afər Əlizadə

Annotasiya: Məqalədə tədqiqatə saxtakar rəssam obrazı haqqında nəsr əsərləri cəlb olunur. Dünya nəsrində saxtakar rəssam tipi Aqata Kristi, Luici Quarnyeri, Dina Rubina, Cessi Berton və Natalya Aleksandrovanın bədii əsərlərində özünəməxsus tərzdə təqdim olunur. Söz ustaları surətçıxaran rəssamın dünyaduyumu və xarakterinə nəzər salaraq, onun motivlərini aşkarlamağa çalışır. Müəlliflərin diqqət mərkəzində əsl rəssam ilə saxtakar rəssamın qarşıdurması, onun orijinal əsərlər əsasında yaratmış olduğu surətlərin öz şəxsiyyət və yaradıcılığına təsir gücü, mədəniyyətin kommersiyalaşması problemi, incəsənət əsərlərinin alqı-satqı obyektinə çevrilməsi halları durur. Əsl sənət ustaları ilə yanaşı bacarıqlı və tədbirli, lakin eyni zamanda utanmaz və tamahkar, saxtakarlıqla məşğul olan, incəsənət əsərlərindən mənfəət və gəlir güdən rəssamlar da durur.

Əsl rəssam sırf yaradıcılıqla məşğuldur – o, birmənalı olaraq incəsənətə sadıqdır. Rəngkarlıq onun dühası, ilhamı, həyatı oriyentiridir. Saxtakar rəssam isə bu sənətə məxsus meyarları, əsl rəssamın dəst-xəttini və orijinallığını əsas kimi götürmür. O, incəsənəti kommersiya obyektinə çevirir, ədəbsizcəsinə, çəkinmək bilmədən başqası tərəfindən ərsəyə gəlmiş işi mənimsəyir. Mənsəbpərəstlik, arsızlıq, gerçəkləşməyən qeyri-sağlam iddialar ona təsviri sənətə xidmət etməyə mane olur. Şirnikləndirici cazibəyə uyaraq saxtakar rəssam özünə qarşı məsuliyyət hissi, yaradıcı çılğınlıq və ideal axtarışlarından məhrum olur.

Açar sözlər: saxtakar rəssam, rəngkarlıq, yaradıcı çılğınlıq, əsərin əsli.